

АПЕЛЛЯТИВАЦИЯ ОНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАК СПОСОБ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ

NIKOLETA DOLINIČOVÁ

Stupeň, forma, ročník štúdia: Mgr., denná, 2.

Študijný program: učiteľstvo dejepisu a ruského jazyka a literatúry

Konzultantka: doc. PhDr. Darina Antoňáková, CSc.

Kľúčové slová: apelativizácia, apelatíva, onymická lexika, antroponymum, metafora

Abstrakt

Apelativizácia onymickej lexiky ako spôsob druhotnej nominácie

Apelativizácia vlastných mien v ruskom jazyku predstavuje jeden z najbežnejších spôsobov vzniku nových lexikálnych jednotiek. Cieľom nášho príspevku je bližšie charakterizovať tento proces. Ako vhodný materiál, slúžiaci na dokumentáciu priebehu premien, spätých s prechodom vlastného mena do triedy všeobecných, sme využili príklady pôvodne ruských apelativizovaných jednotiek. Svoju pozornosť sme predovšetkým venovali apelatívam, ktoré vznikli na báze metaforického prenosu. Zároveň daná práca ponúka náčrt lexiko-sémantických a etymologických osobitostí, vybraných kategórií apelatívnych jednotiek ruskej slovnej zásoby. Ako vhodný materiálny základ nám poslúžili etymologické a výkladové slovníky súčasného ruského jazyka a taktiež teoretické práce známych ruských lingvistov.

1 Апеллятивация онимической лексики как способ вторичной номинации

Человеческое мышление восходит от частного к общему, от конкретного к абстрактному, от прямого наименования к образному. «Под образностью понимается наличие изобразительности, наглядности, «картинности» при обозначении предмета или явления словом» (Матвеева, 2010). В лексике образность – это, в первую очередь свойство производных лексических единиц. Такими мотивированными словами считаются и имена нарицательные, в названии которых скрыто собственное имя.

Возьмём, например, русские антропонимы *Демьян* и *Емеля*. В первую очередь мы имеем дело с мужскими личными именами. Но в этимологическом словаре М. Фасмера они представлены и как имена нарицательные, означающие определённые человеческие качества. Конкретно *емеля* – это пустомеля, болтун и *дёма* – уменьшительное от *Демьян*, означает человека-обманщика. Если эти апеллятивы произведены от приведённых антропонимических единиц, откуда они взяли такие отрицательные оттенки? Ведь уже в первой части нашей работы мы отметили, что собственные имена лишены значения. Они обладают только номинативной функцией, будучи совершенно лишены какой-либо дополнительной информации об их носителях. Ответ предоставляет нам Е. М. Верещагин в своём учебном издании «Язык и речь». Он отстаивает мнение, согласно которому национально-культурный компонент свойствен онимической лексике даже в большой степени чем апеллятивам. Будучи частью системы определённого языка, собственные имена приобретают в нём уникальные коннотации, что связано с историей народа, его фольклором, традициями и культурой в целом. Лексический фон, может закрепиться за любым собственным именем и придать ему

неповторимый облик, индивидуализировать его (Верещагин, 1990). Лишь некоторым антропонимам, топонимам или другим единицам ономастического пространства, присуща, кроме общих сведений (происхождение, мотивы именования, специфика существования имени) и индивидуальная информация. Значимыми могут стать те собственные имена, которые:

1) вошли в состав пословиц или поговорок. Например, *Емеля* стал болтуном, пустомелем вероятно потому, что его так характеризует пословица *Мели, Емеля, твоя неделя*. Или *Макар*, вопреки тому что его имя произошло от греческого *makarios*, где носит значение счастливый, блаженный, в русской пословице *На бедного Макаря все шишки валяются* он представлен как неудачник. Существует целый ряд таких паремий, которые сосредотачивают в своём компонентном составе антропонимическую единицу: *Проворная Варвара на чужие карманы, Не рука Макару калачи есть, Прежде Кузьма огороды копал, а нынче Кузьма в воеводы попал*.

2) становились частью фразеологических единиц: *гонять лодыря, как сидорову козу, шемякин суд и др.*

3) обозначают героев, персонажей литературных произведений, библейских преданий или мифологических повествований (*Донкихот, Агасфер, Аргус*)

4) становятся прецедентными именами исторических личностей и приобретают большую известность в определённом социуме (*Квислинг, Н. П. Арфаров*).

Возможность имени собственного приобрести индивидуальное значение реализуется только в зависимости от перечисленных внеязыковых обстоятельств, а также от того, получит ли любой фольклорный или литературный жанр достаточное распространение в среде определённого языкового коллектива.

Насыщение имени собственного индивидуальной информацией может привести к его постепенной **апеллятивации**. Имя человека, литературного героя, мифологического или библейского персонажа, широко известного благодаря какой-либо черте внешности или характера, легко переносится на других людей, обладающих теми же свойствами. Семантика таких антропонимов приобретает обобщённый смысл, тяготеющий к имени нарицательному. Приведём примеры, иллюстрирующие данный процесс:

– *Соломон*: 1) мужское имя; 2) по библейскому преданию царь Израиля, который отличался большой мудростью; 3) *перен.* мудрый человек.

– *Ева*: 1) женское личное имя; 2) первая женщина, сотворенная Богом, которая из любопытства вкусила запретный плод – яблоко; 3) *перен.* любопытная женщина.

– *Агасфер*: 1) мужской антропоним; 2) имя ремесленника, осужденного Богом на вечные скитания за то, что он оттолкнул Христа, когда того вели на распятие; 3) *перен.* скиталец, не находящий себе пристанища (Ушаков, 2009).

Как видно из примеров, признак лица, наделенного какими-либо особенностями, переносится на другое лицо, характеризуя его. В перечисленных случаях имена Соломон, Ева, Агасфер не полностью апеллятивировались. Первое и основное назначение их «быть собственным именем» осталось (1), но их сильно потеснили указанные выше коннотации, или созначения (2), благодаря чему эти слова означают людей определённого склада ума и характера (3). Антропоним Агасфер представляет не просто имя библейского скитальца, а также человека, странствующего из одного места в другое.

Данный вид апеллятивации базируется на метафорическом переносе и ориентируется на выполнение характеризующей и оценочной функции. Р. А. Комарова, взяв за основу это назначение, ввела в лингвистику понятие **характеризующая апеллятивация**. Для неё характерны следующие признаки:

1. Она представляет собой один из способов вторичной номинации. Основание для вторичных наименований в данном случае являются признаки носителей имени: *Адам* – 'человек'. Ср: *И ты адам и я адам, все мы адамы* – 'все мы люди'.

2. Характеризующая апеллятивация отличается неполным, ситуативным переходом собственных имён в нарицательные. (С данным понятием встречаемся особенно в работах А. В. Суперанской.)

3. Результатом такого типа деонимизации являются апеллятивы, которые представляют собой «дополнительные, вторые обозначения для денотатов, уже имеющих в языке своё название» (Королева, 2004).

В русском языке не много слов, которые произведены от собственных имён путём характеризующей апеллятивации. Но среди иностранных заимствований их имеется большое количество. Мы обратимся к рассмотрению возможностей метафорического переосмысления онимических единиц русского языка и роли, которую это языковое явление играет в обогащении его словарного состава.

Более активно подвергаются процессу характеризующей апеллятивации антропонимы, то есть собственные имена людей. При их переходе в разряд имён нарицательных «смена денотатов сопровождается сохранением главной материальной субстанции» (Королева, 2009, с. 26). Значит, трансформация осуществляется по схеме Д1 (человек) -> Д2 (человек). Поскольку первичный и вторичный денотаты одушевлённые лица, они подвергаются сравнению относительно общности некоторых признаков (Шерстюкова, 2011). Вот например, на основе определённых качественных черт сравнивается вторичный денотат с именами некоторых литературных героев. По признаку лени, инертности можно сказать «Он настоящий *Обломов*» или легкомысленного, пустого человека, хвастуна русские иногда называют *хлестаковым*. Любой типичный и достаточно известный персонаж может сделаться таким прообразным и употребляться в нарицательном значении.

Наиболее часто в «неантропонимической» функции выступает широко известное и типично русское личное имя *Иван*. Его обиходность подчёркивает и выражение *Иванов, что грибов поганых* (Даль, 1865). Ввиду широкого распространения данный антропоним приобрёл способность употребляться с различными дополнительными значениями, относящих его к имени нарицательному. Перечислим основные из них:

1. Оним Иван иногда употребляется в качестве обобщённого названия русского человека или всего народа. Так например, в поэме Владимира Маяковского «150 миллионов» мы читаем: *Россия вся единый Иван*. И Владимир Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» об этом имени писал, что оно «по всей азиатской и турецкой границе, от Дуная, Кубани, Урала и до Амура означает русского» (Даль, 1865, с. 158).

2. Простой человек, человек из простонародья, малообразованный человек. (Трубачев, 1994).

В данных случаях, произошло расширение объёма применения этого антропонима и поэтому известный русский лингвист В. М. Мокиенко отстаивает мнение, согласно которому можно было бы вполне написать это имя в связи с перечисленным добавочным значениям с маленькой буквой, потому что оно синонимично словам русский и простак.

В толковом словаре живого великорусского языка В. М. Даль приводит несколько лексем, произведённых от имени Иван. Вот например, путём семантической и морфологической деривации сформировалась лексема *иванчики*, означающая мальчиков, «маленьких человечков» (Даль, 1865).

Прежде чем мы перейдём к рассмотрению своеобразия других апеллятивированных омонимов, нам хочется ещё добавить, что имя Иван в значении 'русский человек, народ' не представляет собой единственный случай, когда антропоним послужил как наименование всего народа или большой социальной группы. Хотя следующие апеллятивы не являются исконно русскими именами собственными, процесс их переосмысления произошёл именно в пределах русского языка. Для обобщённого названия немцев во время войны в советских газетах фигурировали *фрицы и гансы*. Почему именно такие означения? Ответ очень прост. Личные имена Ганс и Фриц являются типичными и широко распространёнными в Германии.

В русском языке в качестве апеллятивированных омонимов функционируют и фамилии реальных исторических личностей. Вот например, нарицательной стала фамилия *Н. П. Архарова*, известного московского генерал-губернатора, служившего при Екатерине II. Он увеличил число полицейских в Москве, которые затем чинили произвол и беззаконие. Поэтому московский люд, который недолюбливал полицию сочинил выражение *архаровец* как бранное прозвище полицейских. Постепенно данное слово распространилось в другие места России,

где расширило рамки своего значения. В разговорной речи этот деантропоним стал восприниматься как синоним беспутного человека, озорника, бродяги.

В настоящее время лексическая единица архаровец находится в пассивном запасе. В русский язык вошло не мало её заменителей. Например, для обозначения нарушителя общественного порядка более часто употребляется слово *хулиган*, за которым тоже скрыта фамилия реально живущих лиц. Основанием для вторичной номинации в данном случае послужил признак драчливости, которым оличалась ирландская семья Хулиганов (Houlihan). Попав в царскую Россию, слово хулиган первоначально использовалось не в том значении, к которому мы привыкли. Хулиганами называли «политически неблагонадёжных лиц, не принадлежащих ни к какой партии» (Мокиенко, 2005, с. 168).

Русский язык знает и иные случаи превращения собственных имён в нарицательные. Например, в его пределах произошло переосмысление имени сына Ноя – Хам. *Хам* – это грубый, наглый человек, готовый на всякую подлость.

В отличие от русского литературного языка переход личных имён в класс нарицательных путём метафорического переноса более характерен для русских диалектов: *абрам* (олонецкое) – человек с бородой; *аред* (олонецкое) – старый скрнга, ворчун, злой волшебник; *агафон* (вологодское) – простак; *дёмка* (смоленское) – обманщик, плут и др. (Рылов, 2006).

До сих пор мы придерживались схемы, согласно которой нарицательное значение онимической лексики развивалось по линии антропоним – характеристика человека. Апеллятивация будет характеризующей и при переходе коннотации топонимов на одушевлённое лицо. Мы уже писали о камчатниках и камчадулах, которые сформировались от названия полуострова Камчатка взаимодвижением характеризующей апеллятивации и морфологической деривации. Есть предположение, что такую же судьбу имеет и слово *хлыновец*, означающее барышника, плута, мошенника. Основанием в данном случае послужило название города *Хлынов*, некогда известного своими барышниками, которые отличались хитростью и умением обманывать, перехитрять производителей каких-либо продуктов.

Употребление апеллятивированных онимов в необычном образном и переносном значении несомненно обогащает язык, делает его более ярким и выразительным. При характеризующей апеллятивации имён собственных, которые мы подвергли более подробному рассмотрению, возникают эмоционально-оценочные и экспрессивно-образные смыслы. Это даёт возможность экономно довести до адресанта мнение говорящего а также, что очень важно, вызвать у него эмоциональную реакцию. Кроме того такие слова представляют собой ценный источник информации, поскольку в нём отражается история, фольклор, международные контакты и главным образом менталитет того или иного народа.

Literatúra:

ВЕРЕЦАГИН, Е. М. – КОСТОМАРОВ, В. Г.: Язык и культура. 4. изд. Москва: Издательство Русский язык 1990. 246 с.

ДАЛЬ, В.: Толковый словарь живаго русского языка. Москва: Типография Лазаревского института восточных языков. 725 с.

КОРОЛЕВА, И. Н.: Апеллятивация имён собственных по характеру изменения денотативного и/или грамматического значения. Ин: Известия Саратовского университета. Саратов: Саратовский университет 2009. с. 24 – 27.

МАТВЕЕВА, Т. В.: Полный словарь лингвистических терминов. 1 изд. Ростов на Дону: Феникс 2010. 562 с.

МОКИЕНКО, В. М.: В глубь поговорки. 3. изд. Санкт-Петербург: Азбука-классика 2005. 256 с.

РЫЛОВ, Ю. А.: Имена собственные в европейских языках. 1. изд. Москва: Издательство АСТ 2006. 311 с.

ТРУБАЧЕВ, О. Н.: Русская ономастика и ономастика России. 1. изд. Москва: Школа-Пресс 1994. 288 с.

УШАКОВ, Д. Н.: Большой Толковый словарь русского языка. 3. изд. Москва: ООО «Дом Славянской книги» 2009. 960 с.